
Шёпот крови
18+

Елена Звёздная
Шёпот крови

https://litres.ru/74938603
SelfPub; 2026

Аннотация

Аделин — рыжеволосая девятнадцатилетняя студентка: колледж, тусовки, посиделки с подругами и неизменная поддержка лучшего друга детства Кая, который давно в неё влюблён. Её жизнь кажется простой и понятной — до той самой встречи с загадочным Деем. С этого дня привычная реальность Аделин рассыпается: вокруг — ложь и тайны, прошлое хранит опасные секреты, и самый тяжёлый секрет — о ней самой. Теперь каждый шаг — это выбор между светом и тьмой, между тем, кем она была, и тем, кем ей суждено стать.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 Обычный день (или почти) 9
Глава 3. Растворившийся в тени 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Елена Звёздная
Шёпот крови

Глава 1

Я вдыхаю прохладный лесной воздух и улыбаюсь, глядя, как Кетрин, размахивая веткой, будто волшебным посохом, снова изображает ту самую сцену из нашего детства — будто она отважная воительница, а я её верная напарница. Мы всегда так делали: сбегали из дома, оставляли позади шум города, лекции, переписки в чатах и все эти «надо» и «должна» — и ныряли в тишину леса. Здесь время будто замирало, а мир становился простым: только тропинка, шуршание опавшей листвы под кроссовками и наш смех, который эхом разлетался между стволами старых деревьев.

— Помнишь, как мы тут прятались от дождя под тем огромным дубом? — кричу я, догоняя её. — Ты тогда всерьёз уверяла, что это наш замок, а корни — стражники.

Кетрин оборачивается, глаза горят, и кивает, не теряя образа:

— Конечно помню! И стражники до сих пор на посту. Видишь, как они корнями землю держат? Ни один враг не пройдёт.

Я смеюсь, но в груди вдруг становится тесно от этой сме-

си радости и лёгкой грусти: столько всего с тех пор изменилось, а лес будто остался прежним. И мы — почти такие же. Почти.

Тропа уходит глубже в чащу, тени становятся гуще, и привычный уют вдруг чуть-чуть смещается, обрастает чем-то новым, едва уловимым. Воздух будто тяжелеет, наполняется не только запахом хвои и влажной земли, но и чем-то ещё — старым, затаённым, будто лес шепчет свои секреты, а мы просто не умели их слышать.

— Странно, — вдруг замедляет шаг Кетрин, вглядываясь вперёд, туда, где тропа ныряет в полумрак под сплетёнными ветвями. — Тут раньше не было этого поворота, правда?

Я замираю, всматриваюсь в знакомую с детства тропу и вдруг понимаю: она права. Этот изгиб, эти поваленные деревья, будто нарочно образующие арку… такого не было. Или было, а я забыла?

— Наверное, просто с другой стороны зашли, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Но сама чувствую, как по спине пробегает лёгкий холодок — не от ветра, а от чего-то другого. От ощущения, что лес сегодня не просто наш старый друг. Сегодня он будто проверяет: готовы ли мы услышать то, что он хочет рассказать?

Мы переглядываемся — и в этом взгляде столько лет дружбы, столько общих секретов и приключений, что мне хочется просто схватить Кетрин за руку и повернуть назад, туда, где всё понятно и безопасно. Но любопытство тянет

вперёд. И ещё — какая-то странная, упрямая уверенность, что именно сегодня лес приготовил для меня что-то важное. Что-то, что изменит всё.

— Ладно, — шепчет Кетрин, будто читая мои мысли. — Давай просто посмотрим. Пять минут. Как в детстве: «только до того камня и обратно».

Я киваю, и мы делаем шаг вперёд — туда, где тени сгущаются, а тишина становится почти осязаемой. И где-то в глубине леса, там, куда не достаёт дневной свет, что-то шевелится, будто отзываясь на наш шаг.

Я застыла на тропе, будто корни старого дуба вдруг проросли сквозь подошвы моих кроссовок. Кетрин тихо охнула и вцепилась в мою руку — её пальцы были ледяными, даже сквозь ткань куртки.

На изгибе тропинки, там, где тени сплетались в плотную, почти осязаемую вуаль, стоял он. Высокий, темноволосый, в тёмном плаще, который струился вокруг него, словно живой. Он стоял неподвижно — так неподвижно, что казался частью леса, древней статуей, вырезанной из самой тьмы.

Но потом я опустила взгляд ниже. На его руках была кровь. Тёмная, густая, она стекала по длинным пальцам и капала на опавшую листву, и каждый удар капли звучал в тишине, как крошечный, зловещий гонг.

— Кто ты? — голос Кетрин дрогнул, но она всё-таки спросила, будто если произнести вопрос вслух, он перестанет

быть таким пугающим.

Мужчина медленно поднял голову. Его глаза… в них не было ни злости, ни торжества, ни даже любопытства — только глубокая, древняя усталость, будто он видел слишком много рассветов и слишком много концов.

— Тот, кто пришёл не за вами, — произнёс он тихо, и его голос звучал так, словно доносился не из глотки, а из самого сердца леса. — Но теперь, когда вы здесь, пути назад уже нет.

Я хотела шагнуть назад, утянуть за собой Кетрин, сбежать по знакомой тропе туда, где всё было простым и понятным: лекции, смех, старые шутки, дружба. Но ноги не слушались. А ещё — меня тянуло к нему. Не как к опасности, а как к разгадке, к той самой тайне, которую лес шептал нам всю жизнь, но мы не умели услышать.

— Что ты сделал? — прошептала я, и собственный голос показался мне чужим, слишком тихим для такой густой, тяжёлой тишины.

Он чуть склонил голову, будто прислушивался не к моим словам, а к тому, что пряталось за ними — к моему страху, к моему любопытству, к той силе, о которой я ещё не знала.

— Я не сделал ничего нового, — ответил он. — Я лишь снял завесу. То, что было скрыто, теперь просится наружу. И ты, рыжеволосая, чувствуешь это лучше всех.

Кетрин дёрнула меня за рукав, её глаза были огромными, полными паники:

— Аделин, пошли. Сейчас же.

Я не могла оторвать взгляд от его рук, от этой крови, которая казалась не просто кровью, а чем-то большим — знаком, предупреждением, проклятием. И в тот момент, когда я наконец заставила себя попятиться, он сделал шаг вперёд — не угрожающе, а почти с сожалением.

— Ты можешь уйти, — сказал он, глядя прямо на меня. — Можешь забыть этот лес, эту тропу, меня. Но сила, что спит в тебе, не забудет. Она проснётся. И когда это случится, тебе придётся выбирать. Не между добром и злом. А между вечностью и тем, что ты называешь домом.

Ветер вдруг рванул по верхушкам деревьев, срывая с ветвей сухие листья, и на мгновение мне показалось, что плащ незнакомца распахнулся не от ветра, а от чего-то иного — от тьмы, которая жила внутри него и ждала своего часа.

— Кто ты такой? — повторила я, уже не шёпотом, а громче, будто громкость могла вернуть мне хоть каплю контроля над происходящим.

Уголок его губ едва дрогнул — не в улыбке, а в горькой усмешке.

— Меня зовут Дей, — произнёс он. — И я знаю, кто ты. Ты — потомственная ведьма, Аделин. И с этой минуты твоя обычная жизнь закончилась.

Глава 2 Обычный день (или почти)

Я резко распахнула глаза — будто вынырнула из чего-то густого, тёмного, цепляющегося за меня, как мокрые ветки. Секунду я ещё чувствовала под пальцами шершавую кору старого дуба, слышала, как где-то совсем рядом шуршит листва… а потом реальность ворвалась в комнату ярким светом, бьющим сквозь полупрозрачные шторы, и тихим, но невыносимо настойчивым писком будильника.

Сердце колотилось где-то в горле, будто я и правда только что бежала по лесу, оглядываясь через плечо на что-то страшное. Я потянулась, с хрустом выгнула спину и тут же метнула взгляд на часы.

8:47.

— О нет… — простонала я, слетая с кровати так резко, что чуть не запуталась в одеяле. — Лекция в девять! Я опаздываю!

Босиком пронеслась по коридору, на ходу хватая джинсы со спинки стула. Футболка нашлась на полу — я натянула её, пальцы дрожали, застёгивая пуговицу. В голове всё ещё мелькали обрывки сна: густой лес, Кетрин с веткой в руке, этот жуткий поворот тропы… и он. Высокий, в тёмном плаще, с кровью на руках. Дей.

«Да что за бред», — фыркнула я, пытаясь собраться. Пальцы всё ещё будто помнили, как вцеплялись в рукав Кет-

рин, как тянули её назад, прочь от него.

В прихожей я на секунду замерла перед зеркалом. Глаза у меня были чуть шире обычного, в них ещё плескался тот самый липкий страх из сна.

— Ну и фантазия, Аделин, — пробормотала я себе, закатывая глаза. — Вампиры, ведьмы, кровь… Серьёзно? Это всё из-за того ужастика, который мы с Кетрин смотрели на прошлой неделе. Точно.

Схватив рюкзак, я рванула к двери, на бегу выуживая из кармана ключи. Уже на лестничной площадке, задыхаясь от спешки, я хихикнула — нервно, облегчённо, будто смех мог стряхнуть с меня остатки этого странного, слишком реального кошмара.

— «Ты — потомственная ведьма». Ага, конечно. Моя главная магия — это умение находить аудиторию ровно за две минуты до звонка.

Лифт ехал невыносимо медленно. Я нетерпеливо барабанила пальцами по стене, мысленно умоляя его ускориться. Когда двери наконец разъехались, я вылетела в холл, едва не сбив с ног первокурсника с кипой книг.

— Прости! — крикнула я через плечо, вылетая на улицу.

Холодный осенний ветер ударил по лицу, пробрался под футболку, и сон начал отступать, уступая место реальности. Я почувствовала запах мокрого асфальта, услышала гул машин. Мы с Кэтрин встретились в кофейне. Я рассказала ей о своем дурацком сне.

Такого рода сны мне снились часто. То кладбище, серое и безмолвное, где даже ветер будто боялся шелестеть сухими листьями. То вороны — чёрные, тяжёлые, они садились на ветки и смотрели на меня так, будто знали что-то, чего не знала я. То лес — густой, непроглядный, и я бежала по нему, не понимая, от кого или к кому.

А сегодня… сегодня был он. Тот странный и притягательный мужчина. Хоть и руки в крови, но он был очень даже симпатичный. В этом и была вся странность: я должна была испугаться, закричать, броситься прочь, но вместо этого я стояла и смотрела на него, будто ждала, что он скажет что-то важное. Будто я должна была это услышать.

— Ты вообще слушаешь? — Кетрин щёлкнула пальцами у меня перед лицом, и я вздрогнула.— Прости… задумалась.— Опять про тот сон? — она наклонила голову, прищурилась. — Знаешь, если честно, я бы на твоём месте не стала об этом болтать. Звучит жутко. Особенно про кровь.

Я пожала плечами, пытаясь сделать вид, что мне всё равно.— Да я и сама не знаю, зачем рассказала. Наверное, потому что он… будто настоящий. Как будто я его где-то видела. Или знала. Глупо, да?

Кетрин хмыкнула и потянулась за куском пирога.— Ну, сны вообще редко бывают логичными. Может, ты просто устала? Экзамены… Ты вообще нормально спишь?

— Слушай, — я наклонилась вперёд, понизив голос, будто кто-то мог нас подслушать, — а если сны иногда… ну, не

просто так? Если они что-то значат?

Кетрин закатила глаза, но в её взгляде мелькнуло любопытство.— Ты сейчас серьёзно? Типа вещие сны? Аделин, мы не в фильме про ведьм.

Я замерла. Ведьмы. Откуда это слово всплыло? Я не собиралась его произносить. Но оно повисло в воздухе, тяжёлое и неуместное.

— Нет, конечно, — быстро сказала я, отводя взгляд. — Просто… иногда бывает такое чувство, будто ты уже это видела. Как дежавю, только во сне.

Кетрин вздохнула, явно решив не развивать тему.— Ладно. Если тебе от этого легче — пусть будет дежавю. Но, пожалуйста, не рассказывай больше такие сны перед едой. У меня аппетит пропадает.

Мы обе рассмеялись, но смех получился натянутым. Я улыбалась, кивала, ела пирог, который на вкус был совсем не таким вкусным, допила капучино, как обычно, и пыталась убедить себя, что Кетрин права. Что это просто сны. Просто картинки.

Глава 3. Растворившийся в тени

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая серые стены корпусов колледжа в тёплый медовый цвет. Я стянула рюкзак с плеча, поморщилась — лямка натёрла кожу, а внутри всё ещё гремел набор учебников, будто я собралась не на прогулку, а на штурм крепости. После трёх пар голова гудела от терминов, но мысль о встрече с Каем сразу делала день светлее. Он всегда умел одним словом вытряхнуть из меня всю эту учебную суету.

Я достала телефон — сообщение от него уже висело: «Жду у старого дуба. Принёс кофе. И, кажется, твой любимый пончик. Не опаздывай, я тут уже пять минут мёрзну». Я улыбнулась и прибавила шаг.

Старый дуб стоял на границе кампуса и парка — огромный, корявый, будто выросший из самой земли, а не из семечка. Мы с Каем любили прятаться под его ветвями ещё в детстве: там было наше «секретное место», где можно было шептать самые нелепые тайны и чувствовать себя в полной безопасности. Сейчас Кай стоял, прислонившись к стволу, в тёмном пальто, с двумя стаканчиками в руках и пакетом, из которого выглядывала розовая обёртка.

— Ты опять опоздала, — сказал он, но в голосе не было упрёка, только привычная лёгкая ирония. — Я уже начал ду-

мать, что ты решила сбежать от реальности и осталась спать в библиотеке.

— Почти, — выдохнула я, забирая стаканчик. Горячий кофе обжёг пальцы, и это было так по-настоящему, так уютно, что я на секунду закрыла глаза. — Там было так тихо, что я чуть не уснула прямо на учебнике по истории.

Кай хмыкнул, протянул мне пакет.

— Держи. Пончик с малиной. Знаю, ты скажешь, что это вредно, но сегодня можно.

— Спасибо, — я откусила кусочек, и сладкая, чуть кисловатая начинка вернула меня в детство, когда мы бегали по парку, а мамы шли следом, смеялись и спорили, кто из нас быстрее.

Мы пошли по тропинке, которая петляла между голыми кустами и старыми скамейками. Листья уже почти облетели, и парк казался прозрачным, будто кто-то снял с него лишние слои.

— Как дела у твоей мамы? — спросила я осторожно, потому что знала: этот вопрос всегда звучал как стук в закрытую дверь, но оставлять её открытой было ещё больнее.

Кай на мгновение замер, потом снова зашагал, чуть быстрее, будто хотел обогнать собственные мысли.

— Нормально, — коротко бросил он, но я заметила, как он крепче сжал стаканчик. — Она переехала в тот посёлок за рекой. Говорит, там тихо, никто не напоминает… ну, ты понимаешь.

Я кивнула. Напоминать не нужно было. Пять лет прошло, а память всё ещё цеплялась за тот день, как за острый камень. Машина, дождь, скользкая дорога. Мама Кая выжила. А моя — нет. И с тех пор тень этой аварии тянулась за нами, тихая, но тяжёлая, как мокрый плащ.

— Она всё ещё винит себя, — тихо добавил Кай, будто прочитал мои мысли. — Даже когда я говорю, что никто не виноват. Что это просто… случай. Но она не слышит.

— Я её понимаю, — прошептала я. — Иногда кажется, что если бы я тогда не просила маму заехать в магазин… или если бы мы вышли на пять минут раньше…

— Не надо, — резко, но не грубо оборвал меня Кай. Он остановился, посмотрел прямо на меня, и в его глазах мелькнуло что-то твёрдое, почти упрямое. — Не смей брать это на себя. Ты ни в чём не виновата. Никто из нас не виноват.

Я хотела возразить, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула, уткнулась носом в горячий стакан, будто он мог спрятать меня от всех этих «если бы».

Мы шли дальше, и тишина между нами стала не неловкой, а привычной, как старый свитер — немного колючий, но родной. Кай рассказывал про работу в папиной фирме: про бесконечные договоры, про клиентов, которые не читают то, что подписывают, про то, как ему иногда хочется всё бросить и уехать куда-нибудь, где нет ни бумаг, ни прошлого.

А я слушала и думала, как странно устроена жизнь: Кай уже взрослый, серьёзный, с работой и ответственностью, а

для меня он всё ещё тот мальчик, который когда-то защищал меня от дворовых собак и обещал, что ничего плохого не случится.

Тропинка вывела нас к небольшому пруду, где вода стояла неподвижно, отражая серое небо. Я остановилась, глядя на тёмную гладь, и вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от ветра, а от чего-то другого, будто кто-то тихо позвал меня по имени, но я не услышала слов.

— Что-то не так? — тут же насторожился Кай.

— Нет, — поспешно ответила я, хотя сама не верила в это «нет». — Просто… показалось.

Он нахмурился, будто хотел что-то сказать, но вместо этого просто снял пальто и накинул мне на плечи. Оно пахло его одеколоном и чем-то ещё — домом, спокойствием, надёжностью.

— Давай посидим, — предложил он, указывая на скамейку у воды. — Пять минут. Потом пойдём есть мороженое, если хочешь. Или просто гулять. Или вообще никуда.

Я села, чувствуя, как холод от дерева пробирается сквозь ткань, но рядом с Каем он уже не казался страшным. Он сел рядом, не слишком близко, но так, чтобы я чувствовала его присутствие — как якорь, который держит тебя на месте, когда мир начинает кружиться.

И в этот момент, пока мы сидели у пруда, а ветер шевелил сухие листья, я вдруг подумала: если бы всё в моей жизни было таким понятным, таким простым, как эта прогулка

с Каем… Но где-то внутри уже шевелилось предчувствие, что простота эта — временная. Что за следующим поворотом меня ждёт что-то, к чему никакие детские клятвы и старые деревья не смогут меня подготовить.

— Знаешь, — сказала я, глядя на воду, — иногда мне кажется, что я вижу вещи… странные. Тени, которые двигаются. Голоса, которых нет.

Кай замер, потом медленно повернулся ко мне.

— О чём ты?

— Наверное, это просто усталость, — быстро добавила я, но он не купился.

— Аделин, — его голос стал тише, но твёрже. — Если что-то происходит, ты должна мне сказать. Я здесь. Я всегда буду здесь.

Я посмотрела на него — на его темные волосы, на серьёзный взгляд, на руку, которая лежала на скамейке так близко, что я могла бы просто положить свою сверху. И в этот миг я почти рассказала ему всё: про странный сон, про загадочного парня, про то что он сказал мне, про ощущение, будто мир вокруг стал тоньше, будто сквозь него просвечивает что-то другое.

Но слова застряли. Потому что, если я скажу это вслух, всё станет настоящим. А я ещё не была готова к тому, чтобы это стало настоящим.

— Просто устала, — повторила я, слабо улыбнувшись. — Давай лучше про что-нибудь хорошее. Расскажи про что-ни-

будь, что не связано с авариями, тенями и прочей грустью.

Кай вздохнул, будто понял, что сейчас не время давить, и улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у меня всегда становилось легче на душе.

— Ладно. Тогда слушай. В прошлом месяце я случайно выиграл в офисной лотерее коробку печенья. И знаешь, что самое смешное? Я до сих пор его не съел. Оно стоит у меня в шкафу, как трофей.

Я рассмеялась — искренне, до слёз, и этот смех смыл с меня часть тяжести. Мы сидели у пруда, пока небо не стало тёмно-синим, и говорили о пустяках: о печенье, о старых фильмах, о том, как в детстве боялись темноты, а теперь боимся совсем других вещей.

Мы шли по аллее, где фонари зажигались один за другим, будто кто-то щёлкал выключателями в длинной цепочке. Кай всё ещё пытался меня рассмешить — теперь уже про кота своего коллеги, который устроил погром в переговорной, — и я улыбалась, но улыбка получалась натянутой. Тот холодок у пруда не отпускал. Он цеплялся за спину, как невидимая нитка, и тянул назад, к тёмной воде.

— Ты точно в порядке? — Кай покосился на меня, чуть замедлив шаг. — Ты будто всё время оглядываешься.

— Просто… ветер, — пробормотала я, плотнее кутаясь в его пальто. И это было почти правдой: ветер действительно гулял по аллее, швыряя сухие листья под ноги и заставляя старые фонари подрагивать. Но дело было не в нём.

Мы свернули с главной дорожки на узкую тропу, которая вела к автобусной остановке. Здесь было тише, и свет фонарей казался тусклее, будто они не хотели заглядывать в эту часть парка. Тени от деревьев ложились на асфальт широкими чёрными мазками, и в какой-то момент мне показалось, что одна из них шевельнулась — не от ветра, а сама по себе, как живое существо.

Я резко остановилась.

— Аделин? — Кай тоже замер, проследив за моим взглядом. — Что там?

Я хотела сказать «ничего», привычно отмахнуться. Но не смогла. На краю тропы, где свет едва достигал, будто стоял человек. Я точно видела его, а потом он исчез. Просто растворился в тени, как дым в темноте.

На тропе стало тихо. Только ветер шуршал листьями, а фонари мигали, будто ничего и не было.

— Кай, давай поторопимся домой, — сказала я, стараясь придать голосу твердость.

Вернувшись домой, я сразу уснула. И во сне он снова появился.

Высокий, в тёмном плаще, с лицом, будто высеченным из лунного света — бледным, чётким, неподвижным. Он стоял так спокойно, словно ждал меня.

Дей не шелохнулся. Он даже не посмотрел на Кая. Его взгляд был прикован ко мне — тяжёлый, глубокий, будто он мог видеть не только моё лицо, но и все мысли, которые ме-

тались у меня в голове.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Аделин, — произнёс он тихо, но слова прозвучали отчётливо, перекрывая даже шорох ветра. — Ты думаешь, что сходишь с ума. Что тени двигаются, а голоса шепчут. Но ты не сходишь. Просто ты начинаешь видеть то, что всегда было рядом.

У меня похолодели пальцы.

— Не слушай его, — резко бросил Кай, не сводя глаз с незнакомца. — Аделин, идём. Сейчас же.

Справа от меня стоял Кай. Он потянул меня за руку, разворачивая прочь от этой тёмной фигуры, от этих слов, от этого взгляда, который будто проникал под кожу.

Но я остановилась. Не потому, что хотела остаться. А потому, что ноги вдруг отказались слушаться.

Дей чуть наклонил голову, будто изучал меня, как изучают редкий, хрупкий предмет.

— Время прятаться закончилось, — сказал он, и его голос прозвучал уже не громко, а внутри меня — как эхо, которое рождается не снаружи, а где-то глубоко в груди. — Ты должна узнать правду. О себе. О своей семье. О том, почему эти тени тянутся к тебе.

— Хватит! — Кай шагнул вперёд, сжав кулаки. — Кто ты такой, чтобы пугать её?

Дей едва заметно улыбнулся — не весело, а как будто ему было жаль, что приходится объяснять очевидное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.